

Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost. 2013-2024

ISSN 0869--1908

URL - <http://vostokoriens.jes.su>

All right reserved

Issue 5 Volume . 2023

Belokrenitsky V.Ya. [Rec. on:] Russian policy on the southern borders (on the 100th anniversary of the treaties with Iran, Afghanistan and Turkey). Collective monograph. Rep. ed. N.M. Mamedova, comp. O.E. Mitrofanenkova. M.: IO RAS, 2022. 278 p.

Vyacheslav Y. Belokrenitsky

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Russian Federation, Moscow

Abstract

Keywords list (en):

Date of publication: 28.10.2023

Citation link:

Belokrenitsky V. Belokrenitsky V.Ya. [Rec. on:] Russian policy on the southern borders (on the 100th anniversary of the treaties with Iran, Afghanistan and Turkey). Collective monograph. Rep. ed. N.M. Mamedova, comp. O.E. Mitrofanenkova. M.: IO RAS, 2022. 278 p. // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost. – 2023. – Issue 5 C. 270-276 . URL: <https://vostokoriens.jes.su/s086919080027531-1-1/>. DOI: 10.31857/S086919080027531-1

1 В сентябре 2021 г. Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН организовал и провел научную конференцию, посвященную 100-летию договоров, заключенных РСФСР с Ираном, Афганистаном и Турцией. На открытии конференции выступил Научный руководитель Института академик В.В. Наумкин, подчеркнувший значение договоров для тогдашней России и для всей последующей истории ее взаимоотношений с южными соседями. Как отметила во введении к рецензируемой монографии отв. ред. Н.М. Мамедова, материалы конференции составили содержание, точнее, основу книги, поскольку не все участники конференции, к сожалению, преобразовали доклады в ее разделы. В то же время она пополнилась рядом текстов, написанных специально с той целью, чтобы не была потеряна комплексность и сбалансированность отдельных ее частей.

2 Монография состоит из трех глав по странам, с которыми молодая Советская Россия заключила договоры о дружбе (с Турцией – о дружбе и братстве). Наиболее крупная глава – иранская. Три ее раздела посвящены собственно договору, подписанному в Москве 26 февраля 1921 г. Хотя основные факты, изложенные в них, хорошо известны, авторы привнесли в трактовку ряда важнейших элементов, связанных с договором, новые оценки и акценты, опираясь при этом во многом на архивные материалы. Так, напоминая о критическом отношении в Иране к статьям 5 и 6 договора по той причине, что они имели неравноправный характер (согласно статье 6 РСФСР получала юридическое право на ввод своих войск на иранскую территорию, в то время как для Персии аналогичное право не предусматривалось), З.А. Арабаджян обратил внимание на опасения советской стороны предоставить Ирану такое право, поскольку в Москве помнили о его территориальных претензиях к России, о которых незадолго до подписания договора он заявлял на Парижской мирной конференции в начале 1919 г. Претензии основывались на своей интерпретации истории и включали требования вернуть Ирану такие области, как Баку, Ширван, Дербент и др. (с. 20–21).

3 Характеризуя сложную геополитическую ситуацию, в которой происходил процесс подготовки к заключению договора и урегулирования межгосударственных отношений, последовавшего вслед за этим, А.Г. Марьясов останавливается на проблеме существования на севере Ирана советской Гилянской Республики, которую некоторое время активно поддерживали Москва и, особенно активно, Баку, т. е. большевистское руководство Азербайджана. Только после отказа от такой поддержки и роспуска иранской Красной Армии, Меджлис (парламент) Персии в декабре 1921 г. ратифицировал советско-иранский договор. Любопытно, что именно иранская сторона настаивала на включении статей об условиях ввода и вывода советских войск в текст соглашения, а не в секретный протокол к нему (с. 30).

4 Третий раздел главы 1 посвящен экономическим разделам советско-иранского договора. Его автор, Н.М. Мамедова, отмечает, что они «законодательно закрепили провозглашенный в январе 1918 г. отказ новой власти от колониальной политики царской России» (с. 32). Это на практике означало отказ от российской собственности в Иране и от выплат по царским долгам. Как следует из рассмотрения автором экономических статей договора, задолженность Ирана по

русским займам составляла от 65,5 млн до 70 млн руб. золотом, не считая процентов по ним (с. 35). Госзаимы предоставлялись с 1898 г., а с 1900 г. Русским учетно-ссудным банком выдавались огромные кредиты со сроком погашения в 75 лет. Н.М. Мамедова приводит данные о том, что, помимо кредитов и займов, Россия и российские предприниматели, Я.С. Поляков, М.Г. Лианозов и др., сделали в Персии крупные капиталовложения. С российской помощью были построены шоссейные дороги и железнодорожные пути, телеграфные и телефонные линии, пристани, склады и пароходы на Урмийском озере, благоустроен порт Энзели на Каспийском море. От всего этого Советская власть отказалась, ничего не получив взамен. Как отмечено в книге, часть иранской политической элиты расценила эти шаги как слабость новой российской власти, хотя «в целом иранская общественность восприняла это восторженно» (с. 34).

⁵ Противоречивая реакция иранской стороны кажется удивительной с учетом того объема финансовых ресурсов и объектов собственности, от которых Россия отказалась. Договор не содержал даже прав на восстановление бывших концессионных соглашений по эксплуатации рыбных промыслов. Примеру Советской России в отношении прав собственности на построенные инфраструктурные объекты была вынуждена вскоре последовать и Великобритания, другой ведущий международный инвестор в экономику Персии.

⁶ Анализируя влияние советско-иранского договора на отношения между Ираном и Англией, И.Е. Федорова характеризует жесткую линию, которую в годы Первой мировой войны и сразу после ее окончания проводил Лондон в отношении Тегерана. Она отмечает, что имплементация англо-персидского соглашения, подписанного в августе 1919 г. проанглийски настроенным правительством Восуга-од-Доуле, фактически превратила бы Персию в английский протекторат. Работа Москвы по заключению и само заключение договора с РСФСР привели к объявлению в тот же день, 26 февраля 1921 г., о денонсации англо-персидского соглашения, что свидетельствовало, в частности, об изменении Англией форм и методов своей политики, переносе акцента в ней на сохранение экономической зависимости Ирана (с. 75).

⁷ К разделам первой главы, трактующим события, непосредственно связанные с договором 1921 г., примыкает раздел, посвященный последствиям его заключения. В.И. Сажин демонстрирует значение договора для победы СССР во Второй мировой войне. Речь идет об уже упоминавшейся статье 6 договора, которая юридически обосновывала возможность ввода советских войск на иранскую территорию и была использована в конце августа 1941 г. Автор указывает на необходимость такого шага в условиях крайне тяжелых для Советского Союза начальных месяцев войны и на значение установленного благодаря этому «иранского коридора», по которому помощь США согласно закону о ленд-лизе доставлялась в СССР. Из 17,5 млн т американской продукции по иранскому маршруту за годы войны было перевезено 4,2 млн т (23,8%) (с. 84). Подчеркивая кардинальное историческое значение победы СССР в войне с фашизмом, автор выражает недоумение по поводу инсинуаций в отношении ввода наших войск как в шахском Иране, так и в Исламской Республике. Не только ученые, но и политики (такие как президент ИРИ в 2005–2013 гг. М. Ахмадинежад) выступают с необоснованными претензиями. Думается, кстати,

что использование договора 1921 г. для оправдания ввода советских войск спустя 20 лет после его подписания было, наверное, необязательно. Англичане обошлись без юридического обоснования для такого же шага, одновременного с советским. Поэтому, хотя договор и «легализовал» ввод, существенно, на наш взгляд, то, что, по убеждению В.И. Сажина, он состоялся бы, скорее всего, и без такого рода легализации (с. 88–89).

⁸ В разделе, специально посвященном оценкам договора в Иране, Е.В. Дунаева делает основанное на анализе большого числа научных трудов заключение, что иранские исследователи и политики высказывают относительно его значения для страны «диаметрально противоположные точки зрения» (с. 104). Она отмечает, что в последнее время в связи с важностью российского направления для внешней политики Тегерана положительная трактовка договора встречается чаще, но при этом большая их трактовок носит негативный характер в связи с сохранением в Иране «ориентации научно-культурной интеллигенции на западные государства». Автор, вместе с тем, надеется, что появление в ИРИ нового поколения русистов, знакомых с работами русских авторов, будет способствовать снижению уровня русофобии в иранском обществе и упрочению основ для развития отношений между Россией и Ираном (с. 104–105).

⁹ Иранский взгляд на договор, его значение для Ирана, России и их двусторонних отношений рассматривается еще в одном разделе монографии, написанном совместно сотрудниками Университета Азад в Тегеране Ю.А. Зотовой и М.М. Мохаммаднежад Нешели. Авторы, среди прочего, отмечают замалчивание в современном Иране роли договора 1921 г. «Сегодняшние иранцы, – пишут они, – даже если и слышали о существовании советско-иранского договора о дружбе 1921 г., говорят лишь о печально известных статьях 5 и 6. Это соглашение даже не упоминается в школьных учебниках истории Исламской Республики» (с. 138–139). Между тем, по мнению самих авторов, значение договора для Ирана огромно, поскольку он стал началом долгого пути к обретению подлинной политической независимости. Отмечая, что договор предоставил возможности для налаживания выгодных для СССР и Ирана торговых отношений в предвоенный период, авторы, ссылаясь на мнение ряда современных российских ученых, подчеркивают, что Россия не смогла в полной мере извлечь преимуществ от заключения договора, проявив «излишнюю щедрость». Одновременно с этим авторы обращают внимание на нежелание советской стороны пойти на ревизию некоторых статей договора или заключение нового, что побудило ИРИ в 1979 г. в одностороннем порядке «прекратить действие двух из двадцати шести статей договора» (с. 143).

¹⁰ В разделе о современных французских исследованиях исторического контекста при заключении ирано-советского договора, Ю.А. Зотова делает общий вывод, что среди французских иранистов договор получает исключительно позитивные оценки как документ, способствовавший развитию Ирана, росту его независимости и суверенитета. Во французской литературе отмечается, что Советское государство долгое время не могло определить свою позицию по отношению к левым движениям в Персии, и подчеркивается двойственность советской политики на иранском направлении. Последняя черта была, в конце концов, преодолена, поскольку прагматические соображения взяли верх над идеологическими (с. 127–128).

¹¹ Несколько особняком в посвященной Ирану первой главе стоит раздел о некоторых аспектах внешней политики монархии Пехлеви (А.И. Полищук). Хотя автор касается договора 1921 г. и помещает его в общую канву истории модернизации Ирана, главный акцент он делает на особенностях внешнеполитического курса двух монархов из династии Пехлеви – отца, Резышаха (1925–1941) и сына, Мохаммеда Резы (1941–1979). Касаясь отношений Ирана с Советским Союзом в послевоенный период, автор детально описывает визиты последнего в СССР в 1956 и 1965 гг., подчеркивая благожелательность и гостеприимство, оказанные монарху советским руководством (с. 61–66).

¹² Вторая глава монографии посвящена Афганистану и состоит из трех разделов, посвященных: советско-афганскому договору 1921 г. и его значению (О.Е. Митрофаненкова), развитию торгово-экономических связей между Россией и Афганистаном в 1921–2021 гг. (У.В. Окимбеков) и советско-афганскому сотрудничеству в военной сфере в 1920–1930-х гг. (М.М. Слинкин). Хотя не вся проблематика, относящаяся к началу отношений между нашей страной и эмиратом с центром в Кабуле, полно отражена в этих разделах, все они под разным углом зрения освещают афганский вектор политики России на Среднем Востоке и афганскую политику в отношении северного соседа.

¹³ В первом разделе рассмотрены основные вехи становления отношений. Отмечается, что Советская Россия была первой страной, признавшей независимость Афганистана в марте 1919 г. еще до формального провозглашения полной свободы от Англии. В сентябре 1920 г. в Кабуле был подписан прелиминарный советско-афганский договор, ратифицированный в Москве 28 февраля 1921 г. (с. 148–150). Интерес вызывает указание на последовавший вслед за подписанием договора в Кабуле некоторый кризис в отношениях, связанный во многом с действиями Великобритании, направленными на срыв договоренностей Афганистана с Россией, и его преодоление к концу 1921 г. Хотя не все пункты договора были выполнены, в частности, Москва не вернула Кабулу Пендинский оазис с крепостью Кушка, он, в общем и целом, устроил афганского эмира Амануллу-хана.

¹⁴ Посвященный торговым связям второй раздел главы отчетливо демонстрирует некоторые постоянные черты торгово-экономических связей. Они вполне ожидаемо заключаются в предоставлении помощи Афганистану и стремлении способствовать его экономическому развитию. В книге отмечается, что только две статьи договора 1921 г. касались непосредственно торговли и оказания РСФСР Афганистану материальной и денежной помощи (с. 157–158). Но заметим, что именно в денежной помощи Кабул крайне нуждался, и отмеченный выше кризис в отношениях с Советской Россией был преодолен только после того, как новый посол Москвы Ф. Раскольников привез с собой в Кабул 500 тыс. рублей золотом как часть обещанных ежегодных субсидий [Коргун, 2004, с. 73]. В то же время взаимная торговля в 1920-х гг. уступала по объему торговле Афганистана с царской Россией, составляя, как правило, менее 10% от афганского товарооборота (с. 158). В 1930–1940-е гг. ситуация в торговой области улучшилась, с помощью СССР были построены объекты инфраструктуры, оказывалось содействие развитию сельского хозяйства. В 1950–1960-х гг. Советский Союз занимал первое место среди других государств по помощи Афганистану. По оценкам на середину

1960-х гг. советская финансовая помощь почти вдвое превышала американскую (более 600 млн долл. против около 350 млн) (с. 161). После взлета советского участия в развитии страны в 1980-х гг. при правительстве Народно-демократической партии Афганистана наступает длительный период отсутствия позитивных сдвигов в двусторонних отношениях, в том числе торгово-экономических.

¹⁵ Хотя начало военному и военно-техническому сотрудничеству между РСФСР/СССР и Афганистаном положил договор 1921 г., в нем не было статей, прямо касающихся такого рода взаимодействия. Подписавшие договор стороны лишь обязались воздерживаться от участия в соглашениях с некоей третьей державой (очевидно, Англией), которые могли бы нанести ущерб одной из сторон (с.176). Однако согласие Советской России на предоставление финансовой и технической помощи Афганистану способствовало поставкам этой стране военного имущества и вооружений. Особое место в них принадлежало новому для Афганистана виду войск – авиации. На рубеже 1920–1930-х гг. Советская Россия непосредственно участвовала в развернувшейся на севере Афганистана вооруженной борьбе. В книге описан поход советско-афганского отряда во главе с В.М. Примаковым на помощь Аманулле-хану, взятие им города Мазари-Шариф в апреле-мае 1929 г., а затем отступление в связи с изменившейся политической обстановкой (отречением Амануллы от престола). Упоминается в разделе и другой эпизод – переход границы кавалерийской бригадой Среднеазиатского военного округа для борьбы с басмачами в июне 1930 г. Он не только был согласован с властями нового эмира Кабула Надир-шаха, но и привел к совместным с афганцами военным действиям, отеснению басмачей в Среднюю Азию и капитуляции их вождя Ибрагим-бека (с. 173–174).

¹⁶ Третья глава монографии посвящена Турции. В первом разделе (автор – Н.Ю. Ульченко) рассматривается вопрос о финансовой помощи России кемалистской Турции в связи с заключением Московского договора о дружбе и братстве. Впрочем, содержание раздела несколько шире его названия. Внимание привлекает краткая предыстория договора, который, по существу, закреплял ревизию положений, касающихся границ между двумя государствами, установленных по экстренному для Советской России Брест-Литовскому мирному договору от 8 марта 1918 г. Советское правительство уже в сентябре 1918 г. аннулировало ту часть Брест-Литовского договора, которая касалась отношений с Турцией, отменив тем самым значительные территориальные уступки, на которое пошло за полгода до этого. После фактического разрыва отношений с прежней Турцией, союзником Германии, оно предприняло шаги по установлению таковых с новой Турцией во главе с Мустафой Кемалем и его сторонниками. Причем инициативу в этом проявляло и турецкое правительство, направившее в Москву в феврале 1921 г. представительную делегацию, которая и подписала договор 16 марта. Согласно нему к Турции отошла входившая прежде в состав Российской империи территория площадью в 23 тыс. кв. км с населением около 570 тыс. человек (с. 184).

¹⁷ Возвращаясь к финансовой стороне договоренностей Н.Ю. Ульченко подчеркивает, что, выбрав Россию в качестве политического союзника, Турция настойчиво требовала от нее помощи деньгами и оружием. Уже в апреле 1921 г.

советское правительство передало правительству Великого Национального Собрания Турции (ВНСТ) 4 млн руб. золотом, в мае-июне – 1,4 млн, а в ноябре – еще 1,1 млн руб. Причем Москва по договору обещала оказать безвозмездную помощь на общую сумму в 10 млн руб. Но и этого оказалось мало, и «сверх договорных» турецкая сторона просила Россию дать займы 50 млн руб. золотом (с. 187–188).

¹⁸ Последующие разделы третьей главы носят историографический характер. И.И. Иванова задалась целью проанализировать оценки Московского договора турецкими учеными, выпустившими в 2001 г. первый том фундаментального труда «Турецкая внешняя политика». Критически рассмотрев работу турецких коллег, автор делает вывод, что они в данном издании ограничились лишь констатацией событий, не обнаружив своего взгляда на соглашение 1921 г. и его воздействие на развитие турецко-советских отношений (с. 200). А.В. Болдырев проштудировал большой корпус турецких исследований и работ ряда западных авторов, связывающих Московский договор с последующей историей отношений между Турцией и СССР и обращающих главное внимание на проблемы в двусторонних взаимосвязях на заключительном этапе Второй мировой войны. Анализируя сложные перипетии двусторонних отношений в этот период, автор раздела в конце отмечает, что в современной турецкой историографии по-прежнему преобладает негативная оценка той роли, которую СССР сыграл в послевоенной истории турецко-советских взаимосвязей. Более объективный характер, замечает он, носят те исследования, в которых проблемы статуса проливов между Черным и Средиземным морями и территориальные вопросы рассматриваются, начиная с межвоенного периода, т. е. времени заключения Московского договора (с. 212).

¹⁹ Анализируя работы современных турецких авторов, А.Г. Гаджиев расширяет круг обзораемых в рецензируемой монографии договорных актов Карским договором. Рассматриваемый обычно как продолжение Московского договора, Карский договор был заключен 13 октября 1921 г. при непосредственном участии РСФСР между Турцией, с одной стороны, Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР, с другой (с. 217). Заметив, что договор, заключенный в Карсе, пришел на смену ряду других договоров, определяющих границы между Турцией и Республиками Закавказья, автор фокусирует внимание на том значении, какое имеет кавказское направление во внешнеполитической стратегии современной Турции. Он указывает на очередную трансформацию внешнеполитической доктрины Турции, выделяя наметившуюся с 2015 г. тенденцию к синтезу идей «стратегической глубины» бывшего премьер-министра А. Давутоглу и концепции «голубой родины» адмирала Дж. Гюрдениза (с. 219–221). Последняя полагает краеугольным усиление военного и военноморского присутствия Турции в Восточном Средиземноморье, Персидском заливе и Красном море. Кавказское направление остается при этом существенным для Анкары, Кавказ воспринимается в Турции как естественное продолжение Анатолии, и связанные с ним проблемы, в том числе претензии к Карскому договору со стороны Армении и Грузии, остаются в поле повышенного внимания. Турецкие исследователи, заключает обзор их взглядов А.Г. Гаджиев, в своем большинстве высоко оценивают роль договора, который на протяжении уже более

ста лет поддерживает в регионе статус-кво. А это «в любом случае предпочтительнее военных столкновений и силового передела границ» (с. 229).

²⁰ В заключительном разделе главы речь снова идет о финансовой и военно-технической помощи РСФСР правительству ВНСТ. Автор раздела А.Д. Васильев перечисляет внушительный список военного снаряжения, которое было передано Москвой представителям «революционной Турции». Еще до заключения Московского договора, осенью 1920 г., турки получили в качестве помощи на военные цели 1 млн руб. золотом (с. 232). А последний пакет помощи в рамках договора от марта 1921 г. (3,5 млн. руб.) был передан Анкаре в мае 1922 г. А.Д. Васильев указывает, что Россия неукоснительно выделяла Турции ресурсы в то время, как сама остро нуждалась в них вследствие разрухи и гражданской войны, замечая, что эта тема заслуживает отдельного рассмотрения (с. 234). Что касается «бухарского золота», захваченного большевиками в сентябре 1920 г. после штурма столицы эмира Бухары, то неизвестно, было ли оно использовано для содействия Турции. Изучив архивные документы и литературу по этому вопросу, автор раздела пришел к выводу, что в период активного осуществления советской финансовой помощи огромные по размеру ценности бухарского эмира для целей помощи использованы быть не могли (с. 240).

²¹ В целом рецензируемая коллективная монография является, безусловно, значительным достижением нашего научного сообщества. Она продолжает и развивает изучение политики России в Средней Азии и на Ближнем и Среднем Востоке. Говоря о нем, стоит упомянуть несколько работ последних десятилетий, часть которых выполнена участниками монографии. Это книги С.Ф. Орешковой и Н.Ю. Ульченко [Орешкова, Ульченко, 2006], Л.М. Кулагиной и Е.В. Дунаевой [Кулагина, Дунаева, 2007] по истории формирования соответственно российско-турецкой и российско-иранской границы, монографии С.М. Алиева [Алиев, 2004] и В.Г. Коргуна [Коргун, 2004] по истории Ирана и Афганистана в XX в. К ним следует добавить монографию Л.М. Кулагиной по истории российско-иранских отношений [Кулагина, 2010], статью Н.М. Мамедовой по советско-иранским связям [Мамедова, 2009], а также исследования по международным отношениям в XX в., выполненные коллективом авторов под руководством А.Д. Богатурова [*Системная история*, 2000; *Международные отношения*, 2011].

²² В заключение отметим, что договоры, подписанные в 1921 г. правительством РСФСР и властями в странах к югу от исторических рубежей России, без сомнения, способствовали национально-государственной консолидации Ирана, Турции и Афганистана. Территориальные уступки, отказ от прав собственности и от возвращения долгов, предоставление крупных золотовалютных и военно-технических ресурсов Ирану, Турции и в меньшей степени Афганистану помогли победе национально-ориентированных сил в этих странах и дальнейшему их движению по пути модернизации без потери внутреннего суверенитета и прямой зависимости от более развитых и господствующих в международной системе государств. За прошедшие области, население каждой из этих стран в начале 1920-х гг. равнялось 12–14 млн человек, ныне оно выросло до 85–90 млн, т.е. увеличилось в 6–8 раз [Белокреницкий, 2017, с. 31]. Афганистан являет собой пример менее успешного развития, но и там число жителей возросло в 5–6 раз. Население России за столетний период увеличилось

примерно в полтора раза, что не помешало ей, впрочем, утвердиться в статусе великой державы, одного из главных центров мировой экономики и политики.

References:

1. Aliev S.M. History of Iran 20th Century. Moscow: IOS RAS-Kraft+, 2004 (in Russian)
2. Belokrenitsky V.Y. Demography of Russia and the Islamic world: historical trends and forecasting estimates. Proceedings of the Institute of Oriental Studies, RAS. Number 5. Islamic World on the Historical Borders of Russia (ed. V.Ya. Belokrenitsky, N.Y. Ulchenko). Moscow: IOS RAS, 2017 (in Russian)
3. Korgun V.G. History of Afghanistan 20th Century. Moscow: IOS RAS-Kraft+, 2004 (in Russian)
4. Kulagina L.M., Dunaeva E.V. Russia and Iran: History of the Formation of Borders. Moscow: Gumanitarii, 2007 (in Russian)
5. Kulagina L.M. Russia and Iran (19th – early 20th Century). Moscow: IOS RAS, 2010 (in Russian)
6. Mamedova N.M. History of the Soviet-Iranian relations. Iran. History, Economy, Culture. Moscow: IOS RAS, 2009 (in Russian)
7. International Relations in Central Asia. Events and Documents. Ed. A.G. Bogaturov. Moscow: Moskovskii rabochii, 2011 (in Russian)
8. Oreshkova S.F., Ulchenko N.Y. Russia and Turkey (Problem of the Frontier Formation). Moscow: Gumanitarii, 2006 (in Russian)
9. Systemic History of International Relations in 4 volumes (1918–2000). Vol I and 2. Ed. A.D. Bogaturov. Moscow: Moskovskii rabochii, 2000 (in Russian)

Белокреницкий В.Я. [Рец. на:] Политика России на южных рубежах (к 100-летию договоров с Ираном, Афганистаном и Турцией). Коллективная монография. Отв. ред. Н.М. Мамедова, сост. О.Е. Митрофаненкова. М.: ИВ РАН, 2022. 278 с.

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич

Институт Востоковедения РАН

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 28.10.2023

Ссылка для цитирования:

Белокреницкий В. Я. Белокреницкий В.Я. [Рец. на:] Политика России на южных рубежах (к 100-летию договоров с Ираном, Афганистаном и Турцией). Коллективная монография. Отв. ред. Н.М. Мамедова, сост. О.Е. Митрофаненкова. М.: ИВ РАН, 2022. 278 с. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2023. – Выпуск 5 С. 270-276 .
URL: <https://vostokoriens.jes.su/s086919080027531-1-1/>. DOI: 10.31857/S086919080027531-1